

3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. К генеалогии морали. Рождение трагедии. Воля к власти. Посмертные афоризмы. Минск; М., 2000.
4. Гурьева Т. Н. Концепция творчества в художественном сознании Марины Цветаевой: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1998.
5. Цветаева М. Сочинения: В 7 т. Т. 4: Воспоминания о современниках. Дневниковая проза. М., 1994.
6. Шток У. Цветаева как мыслитель (М. Цветаева и Ф. Ницше) // Марина Цветаева: личные и творческие встречи, переводы ее сочинений: Восьмая цветаевская международная научно-тематическая конференция (9–13 октября 2003 г.): Сб. докладов. М., 2001.
7. Делез Ж. Тайна Ариадны // Вопросы философии. 1993. № 4.
8. Бердяев Н. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. Харьков; М., 2002.
9. Павловская Г. Ч. Проблемы психологии творчества в художественном мире М. И. Цветаевой. Минск, 2003.
10. Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой: Идеология — поэтика — идентичность автора в контексте эпохи. М., 2002.
11. Михайлов М. Великий катализатор: Ницше и русский неоидализм // Иностранная литература. 1990. № 4.

Владимир Павлович ГЕРАСИМОВ —
заведующий кафедрой практической
и коррекционной психологии
Бийского педагогического
государственного университета,
кандидат психологических наук, доцент

УДК 159.9

ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ В СИСТЕМНОЙ ПАРАДИГМЕ

АННОТАЦИЯ. Статья представляет собой попытку объяснения сущности феномена индивидуальности в парадигме теории психологических систем (В. Е. Ключко). В ней рассматривается процесс превращения свойств системы в качества индивидуальности.

The article deals with the attempt of explanation of the essence of individuality's phenomenon in psychological systems theory context (V. E. Klochko). It considers the process of transition from systems properties to individuality's qualities.

Проблема индивидуальности относится, по-видимому, к разряду «вечных» проблем психологической науки, и такая «вечность» обусловлена содержательной неисчерпаемостью данного психологического феномена, бесконечной реализацией возможности человека быть иным, особенным и непохожим. Множественность проявлений индивидуальности порождает и многообразие подходов к описанию явления и истолкованию опосредующих его факторов.

Факт существования индивидуальности как возможности построения субъектом собственного, своеобразного, неповторимого бытия в той предметной реальности, которую он создает, взаимодействуя с окружающим его миром, закреплён в психологии в термине «индивид», который подразумевает человека в конкретной единственности его облика, в особости внутренней обусловленности его активности, в своеобразии его существования. И такая обусловленность порождает дихотомию в истолковании содержания данного понятия в зависимости от теоретических позиций исследователей, которая выражается в выделении «природного индивида» и «социального индивида» [1].

В случае с индивидуальностью эта ситуация породила по крайней мере три подхода к исследованию данного психологического явления: исследование феноменологии индивидуальности; исследование природных основ индивидуальности; исследование индивидуальности в рамках целостного подхода к человеку как разноуровневому явлению.

Феноменальный подход к проблеме индивидуальности имеет в качестве единиц анализа представление о том, что данный психологический феномен определяется наличием единичности, неповторимости, уникальности и специфичности человека и, следовательно, неповторимости его человеческих качеств, составляющих ту область проявлений своеобразия психической жизни субъекта, которая относится к дифференциально-психологическим особенностям [2], [3]. В этой связи описание содержательной феноменологии индивидуальности стало включать в себя широкий спектр индивидуальных различий, начиная от динамических параметров активности субъекта и кончая содержательными качествами его личности [4].

Все это породило проблему систематизации многообразия индивидуальных проявлений свойств человека, и возникла необходимость поиска оснований для их интеграции или типологизации. Идея исследования интегрирующих соотношений параметров индивидуальности как способ выделения основ для их классификации принадлежала Бине и Генри [5] и воплощалась в факторном анализе. Однако применение этого метода выявило многозначность связей между индивидуальными различиями, составляющими тот или иной тип как внутри таксономических групп, так и между отдельными группами, что позволило говорить о наличии «много-многозначных связей между разноуровневыми свойствами» [6; 37]. Но основная сложность заключалась в истолковании наличия корреляционных зависимостей между конкретными параметрами проявления индивидуальности, поскольку такое истолкование требовало выведения объяснительной теоретической модели.

Наиболее продуктивной из множества таких попыток явилась, на наш взгляд, психофизиологическая теория индивидуальных различий, представленная школами И. П. Павлова, Б. М. Теплова, Б. Г. Ананьева, В. С. Мерлина. Материалистическая парадигма, положенная в основу исследований в области дифференциальной психофизиологии, позволила экспериментально обосновать соотношенность характеристик психологических свойств субъекта с функциональными особенностями деятельности мозга и заложила основу для системно-функционального подхода к решению проблемы психического вообще и индивидуальности в частности. И в этом смысле особое значение приобрели попытки В. Д. Небылицына соотнести традиционные свойства нервной системы с функциональными характеристиками деятельности мозга, в результате которых оказалось, что, по крайней мере, динамичность процессов возбуждения и торможения можно объяснить процессом взаимодействия ретикулярной формации и лобных долей головного мозга [7]. Это определило возникновение функционального подхода к свойствам нервной системы и, в какой-то мере, подтвердило позицию Л. С. Выготского, который считал, что физиологическое и психическое являются двумя сторонами единого целого — поведения [8; 255], провозгласив, фактически, возможность онтологического подхода к проблемам психики вообще и к проблеме индивидуальности в частности.

Более того, рассматривая онтологические аспекты сознания и говоря о сознании «как о механизме поведения», Л. С. Выготский определил его как фактор выбора альтернатив [8; 240], как то, что впоследствии М. К. Мамардашвили назвал «имплификацией порядка из хаоса» или «самотворением», порождением «закона внутри нас» [9; 273].

Работы Н. А. Бернштейна и П. К. Анохина, связанные с изучением психофизиологических аспектов регуляции, подтвердили правомерность такого подхода и

показали, что одной из форм осуществленного выбора может быть создание особых динамических функциональных систем, фактически порождающих действие.

Это значит, что ситуация порождения «порядка» поступка из «хаоса» вероятностей становится базовой для утверждения обреченности человека на индивидуальность многообразием исходов, например возможностью случайного выбора. Однако рассмотрение поведения в качестве динамического, но упорядоченного процесса, результата соотнесенности внутреннего и внешнего, «самотворения» требует изучения конкретных факторов, определяющих субъективное ограничение и выбор индивидом конкретных исходов, описания акта возникновения поступка и в конечном счете индивидуальности.

Проблема индивидуализации поступка как проявление индивидуальности может быть решена, на наш взгляд, лишь с позиции целостного подхода к человеку, в контексте его сущностных характеристик. Причем реализовать такой подход можно лишь в рамках теории психологических систем [10], когда человек исследуется и объясняется как неравновесная трансцендентальная система, свойства которой, в том числе и индивидуальность, определяются своеобразием внутренних ее характеристик, которые обусловлены, с одной стороны, свойствами элементов и конфигурацией ее структуры (самоорганизация), а с другой — историей взаимодействия системы с внесистемным пространством (развитие и саморазвитие).

Такая парадигмальная позиция целесообразна, потому что в этом случае необходимо лишь одно допущение, в рамках которого человек рассматривается как система, а все его качества существуют как специфическое, но все-таки проявление общесистемных свойств. Сущностные свойства человека, в том числе и индивидуальность, в таком контексте выступают как способы существования системы, как особенности ее поведения, обусловленные внутренними состояниями системы, тем, что в синергетике называется «параметрами порядка» [11], т. е. управляющими факторами, обеспечивающими процесс самоорганизации системы. И если это так, то индивидуальность не нужно отстаивать, не нужно воспитывать или считать ее высшим проявлением человеческой сущности, она просто есть всегда и проявляется всегда в том или ином своем качестве.

Кроме того, определение человека как системы снимает необходимость постулирования или обоснования целостного подхода к нему самому и к психике, носителем которой он является, поскольку любая система целостна по определению, а ее свойства, если они в свою очередь состоят из структур элементов, а связи этих элементов имеют динамический характер, могут быть представлены как функциональные системы, обеспечивающие взаимодействие ее с внесистемным пространством. Примером такой квазисистемы может быть личность, если рассматривать ее как систему отношений [12; 174]. В этом смысле индивидуальность выступает как индивидуальное своеобразие функциональных систем, которые существуют как процесс и результат выбора субъектом способов взаимодействия с окружающим миром и как индивидуально уникальная реализация этого взаимодействия. При этом уникальность взаимодействия определяется уникальностью ситуации здесь и сейчас осуществляемой активности, что в достаточной мере полно описано в исследованиях Н. А. Бернштейна [13], но не только этим, а еще и влиянием прошлого опыта и переживанием «потребного будущего» — всем тем, что М. К. Мамардашвили и В. П. Зинченко назвали «чудовищной актуальностью», что осуществляется как «хронотопия сознательной жизни» [9; 281]. И важно заметить, что на самом деле, по данным того же Н. А. Бернштейна, эта составляющая жизни субъекта обладает динамичностью и осуществляется как процесс выбора из некоторого множества альтернатив, который тем успешнее, чем разнообразнее и или индивидуальнее исходные условия «живого действия».

Таким образом, система может существовать не только как структура, состоящая из набора определенных элементов, но и как совокупность взаимодействия квазисистем, каждая из которых обладает свойствами целостной системы. Набор и выраженность таких функциональных подсистем, определяя свойства первичной системы, могут быть основанием для отличия одной системы от другой, т. е. устанавливать их индивидуальные различия.

В этом смысле такие функциональные системы существуют как «странные аттракторы», являясь одновременно и конечным пунктом развития системы на каком-то отрезке времени ее существования и возможностью дальнейшего развития такой системы, т. е. ее выхода за пределы сложившегося. Понятно, что, таким образом, появляется особый фактор, определяющий индивидуальное своеобразие системы, в том числе и человека, — содержание и пределы ее развития, при этом способность к развитию и реализация развития являются условием существования системы.

Вторая основополагающая позиция заключается в признании в качестве доминирующего свойства системы способности к самоорганизации [11]. Это, пожалуй, одно из главных положений, определяющих синергетический подход к описанию жизни и развития любых систем, в том числе и человека. Самоорганизация определяется как способность системы к внутреннему изменению определенного содержания, вызванному свойствами элементов, входящих в нее. И вот именно здесь возникает необходимость внести определенную, уточняющую позицию, включая параметр «живая система», который, фактически, превращает теорию систем в теорию психологических систем.

Живая система — это неравновесная система и одновременно открытая, т. е. обменивающаяся с внесистемным пространством веществом, энергией и информацией, но «неравновесная» по-особенному, в том смысле, что она стремится к сохранению своей структурной целостности, т. е. неравновесности. В этой связи она должна иметь свой «интерес» в таком обмене, упорядочивая его содержание и динамику. Она должна быть «страстной» [9]. Эта пристрастность, или селективность, реализуется по закону соответствия или уподобления, когда системой усваивается (и тем самым создаются условия для ее существования) лишь то, что соответствует ее состояниям и способствует поддержанию ее целостности [10]. Таким образом, человек как живая система как бы упорядочивает смысловой хаос внесистемного пространства потому, прежде всего, что «интерес» или желание существуют как прогноз результатов активности субъекта. В этой связи возникает двойная зависимость, когда селекция воздействий внешнего мира — и, следовательно, открытость человека влияниям внесистемного пространства — определяется, с одной стороны, текущими состояниями или консервативными свойствами самой системы (природная основа индивидуальности), а с другой — соответствием возникшего в обучающейся системе «образа мира» и «образа жизни» реальным свойствам этого мира. Это обозначает, что появляется особое свойство человека в качестве системы — его субъективность — одно из проявлений индивидуальности.

Таким образом, самоорганизация как свойство систем в живой системе приобретает особое содержательное звучание, обеспечивая сохранение целостности, или, что одно и то же, неравновесности, ее и превращаясь в самодетерминацию.

Однако, коль мы заговорили об особости живых систем, применительно к человеку необходимо внести еще одно основополагающее уточнение — учесть наличие у него сознания, что как раз и составляет его онтологическую сущность [14].

Наличие сознания приводит к тому, что самодетерминация распадается на два взаимосвязанных процесса — самоактуализацию и самореализацию, смысл которых в контексте теории психологических систем существенным образом меняется.

Самоактуализация становится не процессом реализации субъектом его потенциальных возможностей, как это предполагал А. Маслоу [15], а моментом обусловленного наличием сознания выбора субъектом актуального мотива поведения (или деятельности), переживаемого как мотивационное предпочтение. Причем такой выбор обеспечивается либо наличием актуальной потребности, либо влиянием предпочтительных для субъекта ценностей [16]. Это обозначает, что индивидуальные различия субъекта могут определяться уже на уровне самоактуализации содержанием характерных для него смыслов и индивидуальным своеобразием собственных ему ценностей.

Вместе с тем сознание порождает особый процесс самодетерминации, который существует как выбор момента или принятие решения о реализации субъектом актуальных побуждений с возникновением в этой связи переживания самоответственности. С этого момента индивидуальность становится производной от «самости» или субъектности, существующей как момент осознанной произвольности, и определяется уже исходя из тех групп базовых отношений, которые обуславливают любую активность человека. Эти группы отношений переживаются субъектом как «другие для меня», «я для других» и «я для себя» [17; 23] и выступают как результат влияния особой составляющей многомерного мира человека, которая существует как образ жизни человека, т. е. как его представления о себе в контексте индивидуальных параметров его образа мира, как содержательная позиция «я в этом мире». В контексте такой позиции индивидуальность существует как сознательная, т. е. определенная самостью субъекта и сама являющаяся самостью, решимость человека реализовать свои индивидуальные различия. При этом процесс реализации индивидуальности определяется прогнозом того, как «другие» примут своеобразие субъекта, и тем, насколько он ощущает свои индивидуальные различия, т. е. в какой мере он сам индивидуальность [18].

Следовательно, возникает проблема образа самого человека в контексте осознания им его отличия от других людей и оценочного отношения субъекта к этим различиям. Именно этот аспект многомерного мира человека становится основой превращения индивидуальных различий в индивидуальность. Причем если на уровне индивидуальных различий индивидуальное своеобразие человека существовало и осуществлялось через процессы гомеостаза как использование субъектом обратных связей для усиления или, наоборот, нивелирования этих различий и гомеореза, когда индивидуальные особенности осуществляются в виде появления различного рода новообразований, то индивидуальность реализуется уже как процесс гетеростаза, т. е. через производство и выбор ценностей, обеспечивающих самопрезентацию и самоотношение субъекта к своим содержательным сущностям, к своей самости.

Если, таким образом, подходить к феномену индивидуальности с позиции теории психологических систем, то обнаруживается, что данное психологическое явление существует в двух содержательных уровнях: 1) как индивидуальное своеобразие проявления присущих субъекту системных свойств и качеств; 2) как проявление самости, т. е. самосознания и самоответственности, когда индивидуальное своеобразие субъекта проявляется тогда и в такой мере, как он считает целесообразным. Именно в этом контексте индивидуальность может считаться свойством личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6.

2. Кон И. С. Социология личности, М., 1967.
3. Гуревич К. М., Акимова М. К. Зависимость индивидуальных достижений от динамических особенностей психической деятельности и поведения // Психология и психофизиология индивидуальных различий. М., 1977.
4. Русалов В. М. Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979.
5. Анастази А. Дифференциальная психология. Индивидуальные и групповые различия в поведении / Пер. с англ. М., 2001.
6. Мерлин В. С. Очерк интегрального исследования индивидуальности // Психология индивидуальности М.; Воронеж, 1996.
7. Небылицын В. Д. Кортикально-ретикулярные отношения и их место в структуре основных свойств нервной системы // Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.
8. Выготский Л. С. Психология. М., 2000.
9. Зинченко В. П. М. Мамардашвили открывает Декарта психологам // Встреча с Декартом: Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили. М., 1996.
10. Ключко В. Е. Человек как психологическая система // Сибирский психологический журнал. Вып. 2. Томск, 1996.
11. Хакен Г. Синергетика мозга // Синергетическая психология. Вып. 1: Методологические вопросы. М., 1997.
12. Мясищев В. Н. Психология отношений. М.; Воронеж, 1995.
13. Бернштейн Н. А. Некоторые проблемы регуляции двигательных актов // Вопросы психологии. 1957. № 6.
14. Рубинштейн С. Л. Человек и мир // Проблемы общей психологии. М., 1976.
15. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999.
16. Герасимов А. В. Мотивационные отношения и ценностные предпочтения субъекта // Наука и образование. Бийск, 2003.
17. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
18. Герасимов В. П., Герасимов А. В., Кононова Н. А. Потребность в творчестве. Социально-психологический аспект // Становление личности на современном этапе. Т. 2. Бийск, 2001.

Марина Фернандовна КРЯЖЕВА —
старший преподаватель
кафедры библиотечной технологии
Тюменского государственного
института искусств и культуры

УДК 165

К ВОПРОСУ ОБ УРОВНЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОЗНАНИЯ МИРА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросу структурной организации информационного поиска. Рассматриваются первичный (отражение информации, поступающей из объективного мира) и вторичный (отражение документированного знания, полученного на предыдущем этапе) уровни поиска информации.

The article is devoted to structural organization of the information search. The author considers primary (reflection of the information coming from the universe) and secondary (reflection of the documented knowledge, obtained during the previous stage) levels of the information search.

Информационный поиск представляет собой форму познавательной деятельности человека, как самостоятельную, так и входящую в структуру других форм деятельности. В структуре информационного познания можно выделить два взаимосвязанных уровня.